

В Л А Д   В О Л К О В

16+

МОТЫЛЬКИ

Влад Волков

МОТЫЛЬКИ

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67098234
SelfPub; 2022*

Аннотация

В мире вокруг происходит что-то злое. В лесах вокруг деревни «Сухое Озеро» объявились опасные козлоногие существа неизвестного происхождения. Пропадают люди, население мельчает, назревают конфликты на религиозной почве между оставшимися жителями, а староста-председатель уже не в силах совладать с нарастающим всеобщим безумием. Помощи из города или соседних посёлков нет который месяц, а все, кто добровольно покинул свои дома в попытках уйти или уехать – так более и не выходили на связь, сгинув в неизвестности. И среди всего этого хаоса пытается выживать главный герой вместе с отцом, дядей и своим старшим братом.

Содержание

Пролог	4
Тварь за окном	9
Эпилог	68

Влад Волков

Мотыльки

Пролог

Миссия по эвакуации продвигалась не слишком успешно, если не сказать скверно. Хотя бойцы для этого делали всё, от них зависящее. Но, если в городах кого-то отыскать ещё удавалось, то с сельской местностью дела обстояли всё хуже и хуже. Понятно, что с самой спасательной миссией власти изрядно затянули, но не мобилизуй они военных вовремя на оборону, мы бы вообще никакой отпор дать не смогли. А так хоть теперь имеем возможность поискать выживших, да вот только, кажется мне, всё это лишь какое-то затишье перед бурей.

Все помнят, когда они пришли, но до сих пор не знают, откуда взялись. По крайней мере, если свыше и есть какая-то информация, нам, рядовому составу, ничего не говорят. Есть ты, есть враг, есть твои подчинённые, за жизнь каждого из которых ты в ответе. Руководящий состав иногда говорит меж собой такие вещи, которые удаётся случайно подслушать краем уха, что мне начинает казаться, мы не спасаем кого-то, а ищем, так сказать, годных к службе – способных воевать и держать оружие, занимаемся вербовкой в свои

ряды.

Ресурсов, мол, на всех на напасёшься, еды нет, заводы стоят, на полях преисподняя... Будто бы специально оттягивали спасательные операции, чтобы мы поменьше народу находили. Некоторые попадают совсем какие-то невменяемые, утратившие рассудок, иные немые, как рыбы, ничего не рассказывают, а только смотрят с такой обречённостью в глазах...

Твари активны по ночам, а потому у многих простых солдат есть свои, довольно бредовые, архаичные и преисполненные предрассудков теории на их счёт. Но если бы такие существа реально бы боялись крестов или святой воды – мы бы с ними покончили уже давно, гораздо быстрее. А нам до сих пор не предоставили детального описания анатомии и список уязвимых мест. Никакого детального инструктажа.

Впрочем, согласно данным, существа к нам повылезали довольно разные. Первые вспышки информации вообще вызвали недоумение, словно это какие-то нелепые учения, экстремальные тренировки с намешанной фантастикой или вообще какой-то розыгрыш, а теперь с трудом поддававшиеся описанию чудища для всех стали уже устоявшейся реальностью вокруг. Под Тверью был расстрелян громадный подземный червь с когтистыми отростками, напоминавшими нечто среднее, между хоботками, лапками насекомых и щупальцами. В Волгограде подстрелили четырёхкрылое уродливое нечто, больше всего похожее на монструозного лета-

ющего ската, так как у существа не было ярко выраженной головы и шеи. А вот странная вертикальная пасть шла буквально вдоль всего туловища, будто зубья заменяли ему рёбра. Тонкими цепкими лапками, как налетающий шершень, оно выхватывало людей с улиц и бросала туда.

У нас под Магнитогорском вот копошатся «козлоногие», как их между собой иногда называют. Не фавны, не сатиры, не черти с копытами и хвостом, как тех принято представлять. Существа совсем не антропоморфные, леденящие душу своими воплями, не имеющие в себе никакого подобия человека, но и на животных не шибко похожие... Твари они и есть твари...

Многого нам не договаривают. Иногда уверяют, что те или иные державы пали, чьей-то военной мощи не хватило, чтобы дать отпор. Мне с трудом верится, что на всей территории крупной и развитой страны, типа Дании или Южной Кореи, прямо-таки совсем никого не осталось. Но нам бы на своей родине всё наладить, а тут не поймёшь ещё, какие регионы держатся, какие уже практически пали под натиском необъяснимого противника.

Мне, как капитану взвода, вообще «думать не положено», как наш подполковник говорит. Знай, мол, Агапов, свою задачу: тварей убивай, людей спасай. Только и всего... Одни у нас и вправду молятся, считают, что повывлезшая мразь – это какие-то демоны ада. Другие почти сходятся с ними, но вместо inferнального происхождения, уверяют, что это по-

рождения мрака выползли из своих нор. Некоторые предполагают, что это представители доисторической фауны, дремавшие в недрах и выбравшиеся на волю. Есть и такие, кто считает, что это вторжение из иных миров, сквозь какие-нибудь дыры или порталы пространства, а кто-то уверяет, что всё не более, чем наших рук дело – плод бессовестных человеческих экспериментов, вышедших из-под контроля.

Я же придерживаюсь точки зрения, что это какие-то пришельцы. Не обязательно разумные расы, прилетевшие на Землю, с которыми можно о чём-то договориться. Это могут быть сосланные «чистильщики», подготавливающие поверхность планеты к заселению иной цивилизацией или для постройки аппаратов по добыче полезных ископаемых. И цель у таких существ – скосить нынешних обитателей, чтобы не мешались вторженцам. А потому ни о каких переговорах и заключении мира не может быть и речи.

Больше всего меня беспокоят какие-то быстро протекающие мутации. Эти создания либо сами радиоактивны, либо выделяют какие-то вещества, что отравляют нашу атмосферу. Иначе как объяснить, что где-то совсем недавно, да вот буквально с месяц назад, мы во время миссии в Атавды, что у одноимённого озера, не нашли там толком даже следов нашествия и борьбы, а люди почти исчезли, побросав дома еду, рюкзаки, одежду, некоторые горшки с кашей так и остались в печах...

Лишь какие-то странные следы перепонок на берегу, да

несколько загадочных тел, не то выбравшихся из воды и не смогших заползти обратно, не то вконец изменившихся местных, потому как мёртвые туши походили на какой-то гибрид рыбы и человека. Полупрозрачная, покрытая слизью, кожа, сквозь которую было видно сосуды и мышцы, подобие чешуи сзади на шее, где формировалось подобие жаберных щелей, и на спине, перепонки между пальцами передних и задних конечностей. А уж лица были изуродованы так, что если то и вправду были жители башкирской деревни, то опознать их было бы уже невозможно – веки будто атрофировались и исчезли, губы уплотнились, головы облысели. Во всём выступали явно какие-то рыбы или даже амфибные черты.

Не знаю уж, во что на самом деле верить. Кругом бок о бок живут представители разных религий – староверы, христиане, приверженцы ислама, иудаизма, даже марийцы, тенгри и культуры верований Чувашии. И пока что не наблюдается, чтобы хоть какая-то вера защищала от нахлынувших на нас чудовищ. Пока спасают только танки и верные пули. Главное, во всём этом хаосе самому оставаться человеком. Ведь наша миссия находить и вызволять людей, доставлять их в безопасные укрытия, но есть ли в действительности по-настоящему такие места, где бы людям ничего не угрожало? Или же это просто дело времени и дни человечества на этой планете уже сочтены?

Тварь за окном

Полночи я не мог уснуть, от скуки поглядывая, как о лампу на крыльце бьются самоубийцы-мотыльки. Странные создания с бессмысленной целью, тщетно пытающиеся чего-то добиться от манящего света, будто молящиеся ему и приносящие себя в жертву безумцы. Их можно понять, мир вокруг стал таким, в котором уже не очень-то хочется жить. Даже у людей мутнеет рассудок и вокруг творится что-то невообразимое.

Старик Шункар из местных тенгрианцев, призывает нас молиться этим чудищам, что похуже волков и диких вепрей теперь повадились ходить в деревню. Папа говорит, что местные башкиры всегда такими были – одни поклонялись рыбам, другие змеям, третьи журавлям. А теперь у нас, говорят, завелось что-то похуже.

Нам, детям, стараются много не рассказывать. Глупые, думают, мы перепугаемся до смерти или не поймём. Дядя всё молится и молится в красном углу, только свечи впустую жжёт днём и ночью. Они с папой начали спориться и ругаться на чём свет стоит. Как мама пропала в лесу, три месяца тому назад, и он у нас поселился, защищать меня и Антоху на пару с отцом, так, казалось, они не разлей вода. Вместе на охоту ходят, по сменам еду нам готовят, всегда было о чём поболтать вечерами за резным столом под рюмку. А

сейчас... Даже водка кончилась, как говорят, совсем им ху-до стало.

Неделю тому назад обсуждали, что когда-то давно, в соседские времена, у пасечника Касима был самогонный аппарат в погребе. Нет, «самогонный куб», так они говорили. И мне сразу представлялся какой-то чудесный артефакт из непонятого внеземного материала, сквозь который льёшь струю воды, как из-под крана, а он снизу уже выдаёт спиртовой раствор, самое классное в котором то, как он горит. Помню, папа иногда, ещё до всех этих событий, наливал на блюдечко и зажигал, разве не чудо? Горящая вода! Огненная вода! Зачем её пить, если можно такие чудеса устраивать!

В любом случае, то, что приходит из леса, уже давно разорило и пасеку, и забрало старого дядю Касима... Да и папа говорит, что всё равно по всей деревне столько сахара нет, чтобы самогон гнать. Не понимаю, причём тут вообще сахар, разве эта огненная вода может быть хоть чуточку сладкой? Но, видимо, я не совсем ещё понимаю, как устроен тот самый волшебный «куб». У нас вот погреб маленький, никакие аппараты не разместить. Но от заканчивающихся припасов даже в нём становится всё просторнее и просторнее.

Никогда бы не подумал, что смогу разлюбить варенье. А теперь, когда обилие заготовленных его банок становятся регулярной добавкой к пище, а если мяса добыть на охоте ни отцу, ни дяде Олегу не удаётся, так и вовсе главным блюдом на столе. Так и едим его ложками. Брусничное, клуб-

ничное... Овощей почти нет, да и на огороде урожай ещё не поспел. Антон сказал, мы от диабета скопытимся раньше, чем до нас всякие монстры доберутся, а папа его аж за шею больно схватил, что б тот при мне подобные вещи говорить не смел. Очень страшно было!

А я что? Не понимаю что ли? Из других деревень и города помощи никакой, как все говорят. Только и слышу «Да кто его знает, что там в Магнитогорске! Жив ли кто вообще, может, там всё ещё хуже!» – и от соседей Марьи с Никифором, и от папиных друзей-охотников: дяди Серёжи, дяди Мергена и остальных.

Людей всё меньше и меньше, детей гулять не пускают, играть и гулять не с кем. Да и вообще столько друзей уже эти чудища перетягали... Подумать жутко, аж слёзы наворачиваются. Вальку Бунина в поле настигли, Камиля у речки, Серёжка Тихонов с матерью и отцом по грибы – по ягоды в лесок недалеко сходить собрались, так, вокруг деревни, никуда не забираясь, так и сгнули, нет их больше.

А те, кто прочь из «Сухого Озера» уехать решили, собрав своих да отправляясь отсюда, так об их судьбе мы тоже ничего не знаем, добрались ли куда, и есть ли вообще в мире ещё кто живой. Антоха так и говорит «мы, братец, последний оплот человечества» – и колышки свои точит, вокруг дома, косо со всех сторон обставляя день за днём. Скоро не дом, а какой-то ёжик получится...

Сегодня старший брат меня впервые взял с собой сторо-

жевые костры зажигать. Мол, раз волков и прочее зверьё от деревни огонь отпугивал, значит, и от этих созданий поможет. Костры горят по всему периметру, там где окружная трапа проходит, от нас недалеко такой кусок. Да многие ещё свой участок или дом окружают. Староста Айдар Губей-улы ругается! Наш председатель сельсовета. Кричит на всех, мол, подует ветер, разнесёт огонь, всю деревню спалим, друг друга живьём сожжём за одну ночь. Прямо категорически против этих костров.

Унять его вот только «шаман» наш смог, дядька Шункар, высокий такой, худощавый, как смерть с косой, глаза впалые, волосы длинные-длинные седые, назад зачёсанные... Сядет, бывало, на улице, прямо на перекрёстке, в позу такую странную шаманскую, и давай распевать: «У воды господь, у леса господь, у человека господь...» и так далее, «Дай нам прожить, спаси-защити», молится своим богам за все наши души, да не так, как дядя Олег совсем.

А сегодня, когда мы с Антохой его в сумерках видели, шагая к кострищам, чтобы возжигать защитное пламя, тоже сидел-восседал, в одних вытянутых серых шортах до колен, в остальном – голый, босой, кожа да кости, прямо скелет, смотреть жутко. И свистит что-то там не ритмичное, обрывистое, не так как у нас, бывало, поют или мелодии насвистывают. Причитает про благую мать, чёрную козу лесов, что б отвадила детей своих да защитила нас, слуг её. Не знаю уж, мне кажется, мы с Антохой, папой и дядей Олегом никакие не

слуги загадочной Чёрной Козе. Аж представлять её страшно.

Может, потому и уснуть не выходит? А, может, от впечатлений, что на костры позвали. Отец с дядей ушли на охоту, оленей стрелять, а я всё лежу, лампу на углу дома выглядываю, да на рассеиваемый ею мрак за крыльцом сквозь окно, подманивающий доверчивых светлячков к фонарю на верную гибель.

Разжечь самому костёр, разумеется, так вот с ходу не получилось. «Первый блин комом» – как мама любила говорить. Добрая такая была, всегда от строгости отца нас защищала, если напроказничаем с Антоном... Как же вот так, ушла в лес и больше нет мамы... Хочется верить, её какие-нибудь солдаты нашли да в безопасное место забрали. И нас заберут скоро, просто всех чудовищ перестреляют, да проберутся, наконец, к деревне, папа так верит, что помощи надо ждать. Вытащат, мол, кто остался, рано или поздно. Не всю жизнь вареньем питаться же...

Уже начал, наконец, засыпать, проваливаясь с мутный морок от враждебной и чёрной реальности с этой непроглядной сгущавшейся ночью и чёрным лесом, в двух опустевших участках от которого и стоит наш домишко с частоколом, как входная дверь распахнулась и громкий топот ног внутри слышался по половицам.

И я, и брат из комнат головы высунули, а там папа раненого в окровавленный бок дядю Олега тащит. Тот рану держит, всё стонет, бормочет что-то будто бы не на нашем вооб-

ще языке, а папа всюду шарит в поисках последних остатков спирта, чтобы рану промыть. Сам прятал от дяди, чтобы тот не допил, а теперь в суматохе и панике, видимо, подзабыл сам, куда именно.

– Под старым бочонком, у которого дно отвалилось, – напомнил я, похоже, напугав папу своим внезапным тоненьким голоском.

– Ты, а ну марш спать давай! Что б носу твоего здесь не видывал! – пригрозил он мне кулаком, а сам-то пошёл, как я сказал, к бочонку, где мёд когда-то лежал, да мы уж много лет, как весь его семьёй выели, а тот для заполнения непригоден стал – дно проломилось.

Вот его вынули, да держали в доме бочонок, как тумбочку. Как предмет мебели, на который сверху можно что-то поставить, когда свечи, когда патроны разложить, когда кружку какую-нибудь... Я в тень комнаты, конечно, отошёл, за шторкой входной спрятался – дверей-то во внутренние спальни у нас никогда не было, но в кровать не полез, как отец велел. Любопытство было сильнее.

Дядя стонал, даже кричал в процессе промывания раны. Ага, уснёшь тут теперь... Страх и волнение заставляли всё тело трястись, кто это его так? А вдруг он умрёт! Слёзы на глаза наворачивались от тяжких мыслей. Не знаю уж, выглядывал ли к ним также втихаря Антон или пытался уснуть, но я вот попросту места себе другого не находил.

– Зачем... лампу врубил... – негодовал дядя Олег, спи-

ной облакачиваясь на край деревянного стола, поглядывая на потолок, задрал голову, – Свечами бы обошёлся...

– Ага, увижу я тут много при свечах! Да жжёшь ты их так, что скоро не останется, сам бы лучше следил за запасами. А генератор я бензином залил до отвала. Электричества теперь надолго хватит! Слил из Нивы, что во дворе Николаича, ему-то уже без надобности... – замолчал папа, сняв шапку с лысеющего лба, чтобы помянуть одного из сгинувших соседей.

Я в их разговор уже не вступал, а лишь наблюдал одним глазом в щель между шторками, старался вести себя тихо и слушал, что там они говорят, хотя одна папина фраза «меньше знаешь – крепче спишь», не помню уж когда и кому сказанная, может, и вправду, как нельзя лучше, описывала происходящую вокруг ситуацию.

Пока ты ни о чём не в курсе, можно только догадываться, фантазировать, уповать на то, что всё не так плохо. А вот если всё плохо, то тогда уж от этого осознания никуда не деться. И оно будет преследовать тебя, как голодный зверь свою израненную добычу. Не даст уснуть, будет терзать и нападать вспышками размышлений об ужасах и обречённости... Бушующими волнами, бьющими по сознанию и рассудку, смывая улыбку и радости, оставляя лишь каменное угрюмое изваяние из крупиц обречённости и печали от грядущей судьбы. По крайней мере, я верил, что вокруг всех ночных монстров отпугивают горящие костры.

– Ты его видел? – схватил дядя Олег отца за запястье, ко-

гда тот шёл мимо стола в сторону кухни, всё ещё суетясь с его раной.

– Немножко, во вспышке ружья, – потупил тот взор серо-зелёных глаз, как и у нас с Антоном, мы оба были на него в этом похожи, хотя у Антона были прямые длинные волосы почти до шеи маминого цвета колосающейся ржи, расчёсанные на обе стороны, а у меня, как и у папы, тёмно-каштановые, только с густой чёлкой, когда у него уже был блестящий и даже слегка морщинистый крупный лоб и блестящая почти гладкая макушка, а волосяной покров головы оставался уже на затылке, если не считать густой широкой бороды лопатой.

Дядя Олег тоже был бородат и усат, но она у него росла эдаким полукругом, окаймляя лицо, была не шибко длинной, и цвет был куда светлее, такой нежно-каштановый, почти рыжий. Ржавого цвета, что кудри, что усы, что борода и крупная бордовая родинка на левой щеке обычно с торчащим волоском, который он изредка обреза́л.

Папа был охотником, а его брат комбайнёром. И если для отца добыча никуда не делась, хоть он иногда и начал говорить, что зверья в лесах поубавилось, то дяде Олегу после того, как это всё началось, толком и работать-то негде. Все, кто выжил, сидят по домам, ждут военных или помощи от крупных городов. Нам с Антоном рассказывают мало о том, что случилось, но мы не глупые и понимаем, что было некое нашествие диких непонятных зверей, которые перегрызли добрую половину «Сухого Озера», загнав остальных

жителей деревни в избы, откуда лишь при дневном свете они осмеливаются теперь выползти, да и то не все.

Снаружи раздался шум, будто по дорожкам скачет отряд конных всадников или пробегает табун диких лошадей. Лампочки в главной комнате замерцали, посуда вокруг задрожала, характерно позвякивая, как и столовые приборы, уложенные возле подоконника.

Папа схватил вновь ружьё, второй рукой из приоткрытого ящика чёрного комода, стоявшего у входной двери, загрёб к нему патронов и отправился на крыльцо. Раненный дядя тоже своё ружьё, приставленное к изящной по дизайну, и в то же время довольно плотной, крепкой и устойчивой ножке стола дулом вверх, взял в руки, поглядывая в сторону окошка наружу.

Становилось действительно страшно. Кто или и что там так топало, какие невообразимые ужасы скрываются в сочащихся туманной дымкой гроздьях ночной темноты? Столь безобразные и недоступные к пониманию, что они сами опасаются выходить на солнечный свет, боятся дня, дабы никогда не встречаться с собственным отражением или даже тенью.

Мне одновременно было и любопытно, и при этом совершенно не хотелось знать, что вокруг происходит. Я отошёл от входной шторки в сторону своего окошка, но тут же отпрянул от него на пол, спешно пятясь, практически ногами забираясь под кровать, вжавшись в узкую тёмную щёлочку,

надеясь, что оттуда меня никто не заметит, когда мимо стекла промелькнуло что-то большое и совершенно недружелюбное.

Оно было живым, это стало ясно по запотевавшему от его резкого выдоха стеклу. Было слышно какое-то фырканье, отдалённо напоминавшее лошадь, при этом ещё весьма неприятный скрежет и утробный гулкий клёкот, который, скрипя открывавшимися челюстями, издавало это создание.

И я чётко знал, что мимо окна промелькнула, несомненно, громадная пасть. Она была раскрыта, я не сразу сообразил, что именно происходит, но затем увидел верхние, а вскоре и нижние зубы, тут же ставшие размытыми из-за дыхания этого нечто. Кончик верхней челюсти был загнут, напоминая какой-то клюв, однако же сами они мне показались белёсыми и очень похожими на черепа травоядных копытных – лосей, оленей, коров, лошадей... За десять лет жизни в деревне я всякие кости успел повидать.

Какие-то черепа и останки умерших зверей мы видели в лесу, когда я собирал грибы и чернику с мамой либо с папой, с братом вдвоём нас туда никогда не пускали, боясь, что заблудимся. Но с ним мы на ничейном поле видели череп в гадюшнике недалеко от озера, там змеи устраивали кладку своих яиц. Ещё были черепа, что шаман Шункар использовал в своих ритуалах. А также те, которые оставались после разделывания туш животных, которых охотники приносили из леса.

Оттого, что стоявшее за окном косматое и практически размером с дом создание своей головой напоминало череп копытного и на своих ногах эти самые копыта, вероятно, имело, судя по звуку, оно отнюдь не казалось мне мирным, дружелюбным и травоядным. Скорее наоборот, зубы его были остры, чуть изогнуты, имея не плосковатую жевательную поверхность или эдакую «коронку» вокруг выемки, а были острыми – вдоль пирамидально заточены и вытянуты... Кажется, в потрёпанной книжке Антохи по геометрии что-то подобное звалось «треугольной призмой». Множество, множество плотно выросших рядом таких зубов. И каждый имел с наружного края ещё остроконечный откос с завитком вверх, как будто бы клык срастался с резцом в одно, и так весь ряд снизу и сверху. По краям – выставленные острия, пронзающие, что угодно, а дальше к десне остроконечными вытянутыми призмами измельчали всё то, что откусят их откошенные части. Хищные жуткие зубы, при этом не имеющие ничего общего ни с челюстями кабана, ни волка, которые я тоже видел неоднократно воочию.

А за окном, в свете лампы крыльца, в момент до того, как стекло запотело и стало мутным, я мог их хорошенько рассмотреть, перед тем, как отпрянуть с желанием забиться в самый дальний угол. Тварь была огромной. Мне думалось, у окна она ещё наклонилась, чтобы заглянуть, а я смог вовремя заметить лишь челюсти с крючковатым клювом на конце. Мне удалось сбежать из поля обзора прежде, чем там по-

явился бы какой-нибудь чудовищный глаз, который бы точно сумел меня углядеть даже сквозь запотевшее окошко, парализовать своим видом, загипнотизировать, чтобы не дать удрать в момент нападения этого монстра.

Было куда страшнее, чем когда взрослые ссорились или ругались. Казалось, я разучился дышать, настолько замер и затаился, что начинало не хватать воздуха. Волосы впервые по-настоящему вставали дыбом, морозные мурашки пронизывали своим паническим покалыванием вдоль шеи и спины всю кожу, а вокруг царила такая тишина, что бешеный звук напуганного сердца мне слышался погребальным колоколом по собственной судьбе. Что бы там ни было снаружи, оно просто не могло бы его не слышать. Так что я был уверен, что вот-вот раздастся треск древесины, звон стекла и в комнаты ворвётся какая-нибудь чудовищная хищная лошадь, наполовину истлевшая, наполовину мутировавшая, преисполненная какой-то зловещей и загробной чёрной магии, обязательно чёрная да с козлиными рогами и, может быть, даже бородкой.

Истлевшей и полумёртвой она мне виделась в голове, потому что мелькнувшие у окна челюсти были оттенка, словно кости, при этом вокруг них всё ещё виднелось что-то тёмное и мутное, остатки мышечных тканей и жил, какие-то копошащиеся червяки, или сами нити чужеродного естества, стягивающие эту пасть и управляющие ею...

Оно перетаптывалось с места на место, но никуда не ухо-

дило. Теперь хотя бы не только слышался стук моего перепуганного и готового вырваться прочь из груди сердца, но переступающие по земле копыта, а также зловещее дыхание смерти, что бросало мутную тень на оконное стекло. Создание лесов как будто просто не хотело никуда уходить.

Что притащило её к нам? Голод? Любопытство? Человеческий запах? Было крайне не по себе оттого, что я не знал этого существа и мне никогда не говорили, что в наших краях водится что-то подобное. Незнание и неведение порождает ещё больше тревоги и опасений, чем встреча с опасным, но хотя бы знакомым животным типа охотящегося волка.

Пасть издала какое-то завывание, перерастающее в стрекочущий звук, словно постукивание и трение костяшек друг о друга. Это звучало, как «Эву-эу-э-ки-ки-ки-ки», затухая с треском, похожим на ехидное сдержанное хихиканье, будто существо злорадно насмехалось над тщетностью попыток скрыться от него всех будущих жертв.

А потом раздался выстрел... Такой громкий и близкий, это определённо папа, выйдя наружу и, покараулив там какое-то время у ворот и огорода, решил обойти дом и осмотреть всё вокруг, где и обнаружил с этой стороны от крыльца, у угловой лампы, это чудовище. Отчего-то вместо радости, что выстрелами монстра убьют или хотя бы прогонят, оставив сильные раны, внутри ледяной иглой замерцала боязнь, а вдруг отец с ним не справится? А если пули этой «козе» будет мало, вдруг оно кинется прямо на него! А у па-

пы ружье однозарядное, нужно спешно вставлять новый патрон...

Дядя ранен, даже не знаю, как за ним надо ухаживать, и сколь серьёзно его увечье – выглядело всё весьма жутко. Антоху только начали учить стрелять, я и вовсе ничего не умею, даже на кухне не допускают помогать на готовке, чтобы хоть с ножом научился обращаться... Как мы будем себя защищать, если папы не станет?! Как нам себя прокормить, как охотиться, как вообще жить в этом мире без мамы и папы?! А если не справимся? А если у Антона и у дяди не выйдет меня защитить? Это же самое ужасное на свете – потерять всех и остаться совершенно одному, никому не нужным! Папа сильный, он с молодых лет охотится, и дедушка был охотником, он его всему и учил. Он наверняка знает, куда надо целиться, тем более тут ещё и свет есть, в отличие от дремучего леса. Он ведь справится? Страх за его жизнь был сильнее страха перед созданием, потому я всё-таки поднялся и заглянул в слегка отпотевшее окно.

Там уже никого не было... Меня это удивило, потому, как я не слышал топота убегающих ног, если б выстрелом удалось существо напугать. И ничего не лежало на траве перед окном, если б одного патрона хватило завалить намертво это отродье дьявола прямо на нашей лужайке. Край ружья с дымящимся дулом я ещё видел, а сам папа был вне поля зрения, застыв в этой тишине, вместе со мной, разглядывавшим вид на ночной участок.

А потом оно ступило на свет из темноты за кустами крыжовника. Я тут же попятился спиной прочь, потому, как вышагавшие в зону фонаря копыта двигались наподобие какого-то гигантского паука! Как передние лепки, четыре ноги, две ближе, две по краям поодаль, и кто ещё знает, сколько лап ещё дальше там, в тени, вдоль туши этого зверя!

Кроме ног я ничего не успел разглядеть. Ни головы, ни самой туши показаться не успело, мне хватило и этих сгибавшихся лапок, будто нечто громоздкое выползло с западной стороны на участок. Раздался второй выстрел, и теперь уже был слышен своеобразный топот. Потом ещё один залп из ружья, будто вдогонку удиравшему зверю, не издавшему больше ни воя, ни крика, ни какого-либо ещё звука.

Хотелось побежать на порог, прижаться к отцу и заодно спросить у него, что это было, но я боялся, что он сильно рассердится и опять погонит спать. Даже притом, что сам ведь прекрасно сейчас понимает, что никакого сна после сразу трёх выстрелов у нас над ухом, и быть не может. Взрослые всегда такие странные, но что бы мы Антохой вообще без них делали.

Папа вернулся живым, героически прогнав чудовище с нашей территории, это главное. А я, снова примкнув к окну, с нахлынувшим нервным ознобом вспоминая, что за чернотой кустов крыжовника вообще-то ещё стоит наш забор. И пусть его не видно, пусть чудовище могло его сломать или погнуть, толкнуть цокающими лапами вперёд, сбивая наземь,

но почему-то воображение рисовало совершенно иную картину – я задумывался, это какого же роста была сия тварь, что просто легко перешагнула забор, а потом от первого выстрела мигом и довольно легко отскочило обратно...

В главной комнате снова были слышны мужские голоса, папа с дядей Олегом обсуждали запасы, патроны, самочувствие раненного, искали спиртные напитки, после чего папа предложил «пройтись» по домам тех, кого уже нет и забрать их записки, а дядя на него ругался со словами «да это же мародёрство!». Отец парировал, что живым все продукты и прочие вещи куда нужнее, надо как-то держаться всеми силами, и здесь уже все средства хороши, не до законов и морали в мире, где все нас оставили на произвол судьбы.

Проснулся я уже где-то в обед, ведь уснуть удалось крайне поздно. Снаружи под окном раздавались звуки того, как Антон строгал толстые кольца обхватом с руку, натачивая остриё и глубоко всаживая тыльной стороной в землю прямо под моими окнами. Частокол с западной стороны должен был отпугнуть всех незваных гостей, а я был больше всего поражён тем, что наш бледно-зелёный забор, выше меня ростом, действительно стоял цел и невредим, чуть своим спокойным видом не заставив меня дар речи потерять, припоминая ночные размышления...

Дяде, вроде как, было чуть получше. Из красного уголка доносились знакомые затяжные молитвы. Вообще, он в последнее время читал их не просто голосом, а нараспев, как

священник, отец Святослав, который тоже пал жертвой нападения чудовищ, оставив деревню ещё и без его покровительства. Мне казалось, дядя Олег буквально соревнуется с башкирским шаманом, кто кого лучше перепоёт в этих религиозных песнопениях.

Дня три всё шло нормально. Дядин бок понемногу заживал, разве что спал плохо – ночные кошмары мучили. Еды как-то хватало, я научился разводить костёр в одиночку, и мы с Антоном много времени проводили в огороде вместе, болтая о том, о сём, чтоб не страшно было. Он заверил меня, что звери так устроены, что повторно уже не полезут. Мол, если попался волк в капкан на чьём-то участке, то если таки сбежит, носу своего уж туда не сунет. К тому же с раной на лапе долго не проживёт, а тут отец, мол, аж три выстрела в тушу вчерашнего «гостя» сделал.

Но на четвёртую ночь после случившегося, вокруг снова раздавался громкий топот несущихся «табунов» и даже были слышны вдалеке и выстрелы, и человеческие вопли. Даже на нашем участке, там, за забором, я слышал во мраке шелест нескошенной разросшейся травы, высоких сорняков лопуха и чертополоха, да наших кустов, среди которых ступали паучьи копытные лапы. Но близко к нам никто не подошёл.

А поутру выяснялось, что эти создания нападали на периметр, атаковав несколько живых домов, ломая стены и устраивая там полнейший хаос. Наш дом тоже из таких, но, видимо, случившееся дня три назад, не позволило на нас ри-

нуться. А, может, дело в частоколе или ещё в чём-нибудь. У западной стены всё ещё маловато колышков, но Антон трудится над изготовкой новых в свободное время.

Дядя впервые после ранения вышел из дома и попытался примириться с шаманом, духовные споры с которым у него по жизни не утихали. Даже запрещал мне с башкирами-иноверцами общаться, они кто мусульмане, кто язычники, а мы, мол, нашему богу молиться должны. Может, он нас этой ночью и защитил?

Ну, а дядя Олег от старого Шункара хотел узнать, есть ли какие-то отпугивающие средства от такой нечисти. Может, травы какие, обереги, отварами особыми всё облить, соль рассыпать, ещё что... Да, похоже, ничего не добился, пришёл понурый весь, взлохмаченный... Он вот всего на три года младше папы, наш почти лысый, а вот у Олега густые рыжевато-коричневые кудри на голове, как так бывает...

Заходил в гости к нам Валентин Семёнович с красивой такой фамилией – Героев, не совсем наш сосед, но с учётом обмельчавшей деревни, уже, можно сказать, что живущий неподалёку. Предлагал деревенский дозор сделать, чтобы охотники с ружьями периметр патрулировали, разбившись на несколько смен или чередуясь по мере своих вылазок в лес. Так и решили, так что теперь папа по вечерам не всегда был на участке, но и ходил с остальными, охраняя периметр. Как Антон объяснял, они не толпой бродят, а на определённом расстоянии друг от друга патрулируют по од-

ному, чтобы, случись что, подбежала подмога по-быстрому, но и чтобы охватить территории побольше, а то куда годится бродить всей компанией в одном месте, если на другой конец деревни набег будет.

Я только и представлял, сколько же в лесах может бродить крупных лохматых зверей непонятной внешности, козлоногих, паукообразных, и стрекочущих так противно «Эву-эу-э-ки-ки-ки-ки...». В деревне осталось менее двадцати человек, после набега на периметр ещё некоторые уехали в надежде на лучшую жизнь.

Нам же уезжать было просто некуда. Папа говорил, что нас тогда разлучат, их с дядей Олегом отправят в армию, если таковая ещё осталась, либо в её подобие – в те или иные войска, патрули, охрану, а нас с Антоном в лагерь беженцев, причём даже не факт, что в один и тот же. А ещё его, в силу возраста, тоже, скорее всего, в военные казармы курсантов на какую-нибудь подготовку и обучение, а меня к маленьким детям наверняка. И это было тоже безумно страшно, остаться без них, без родных, без семьи, без поддержки! Не зная, как они там и переживая за них каждый день!

Было бы там более безопасно, чем за нашим забором, через который эти существа могут легко перешагнуть? Есть ли ещё хоть кто-то из людей, и знают ли они, как бороться с затаившимися во мраке чудовищами? Эта нечисть выходит лишь с наступлением ночи, мы нормально можем жить лишь днём, но каждый день, когда сгущаются гадкие сумерки, ни-

кто не знает, наступит ли завтра. Кто переживёт зловещее дыхание ночи и взойдёт ли вообще солнце...

Дяде становилось хуже. Рана-то заживала, а вот по ночам он стал много кричать и часто просыпаться. Бормотал что-то несуразное, но было ясно, что снятся ему эти чудовища. Они с папой их видели, а я лишь зубы да лапы мельком, не представляя, о чём толком речь. В его голосе же встречалось и про отродья чёрной козы, и про легион молодых, всякие разные кошмары. Он утверждал, это всё из-за разны. Видимо со слюной или чем ещё дикой твари в организм попал какой-то яд козлоногого, мешающий теперь спать спокойно и посылающий странные видения о бесформенных неопикуемых существах, знания о которых он черпал именно из снов. Но, как их одолеть и чего они боятся, увы, не знал. Как и не объяснял, почему они приходят сюда, зато... стал намного меньше молиться...

В красном уголке его теперь уже редко увидишь. Поначалу он ещё много уповал на божью помощь, крестился, молился нараспев, а теперь его всё чаще лихорадило – лоб в крупной испарине, волосы взъерошены, температура высокая, глаза бешенные... Чем ближе приближалась полная луна, тем он, словно волкодлак из стародавних суеверий, становился всё нервозней и даже безумней. Иногда он видел такие ужасы, о которых опасался нам даже поведать. Не только мне, но даже папе, своему брату, оставляя внутри себя все эти неопикуемые переживания.

Иногда с каким-то пугающим отчаянием в голосе заявлял, что всё все обречены, что выхода нет. Отец тогда стучал кулаком по столу, что аж вся посуда прыгала, и требовал того замолчать, воздержавшись от подобных фраз при детях. Каждый день по несколько раз они только ругаются и спорят...

На улице перестал показываться старик Шункар. Поначалу мало кто это заметил, наверное, неделя минула, как все опомнились, что нет больше этих шаманских песнопений на перекрёстках. Стучались к нему, да не открывает, не отвечает... Несколько дней спустя, как Антон говорил, я сам-то не видел, вломились к нему в избу мужики с председателем, разведать, а не помер ли тот, да так и ахнули...

Брат бы не стал меня нарочно запугивать, выдумывая всякие небылицы, особенно сейчас – в такие времена. А после этих видений за окном я и сам был готов поверить во что угодно. Говорят, в углу одной из комнат шамана нашли, среди груды обглоданных человеческих костей, сидящего нагишом на корячках. Наружу выволокли, да чуть там и не растерзали.

Лицо, говорят, у него совсем изменилось. Чудищем стал немислимым. Глаза навывкате, волосы, ресницы и ногти – все повыпадали, кожа бледная-бледная, как у покойника, нос сильно сморщен, будто в застывшей гримасе, складки которой уже не разжать, челюсти вперёд выпятились, формируя под ноздрями уродство изменённой формы черепа, да не как

у приматов, а совсем непонятное что-то. И за зубами ещё один ряд начал расти, сгибая вперёд да выпячивая передние основные. Так что рот его почти не смыкался теперь, уголки губ треснули, как и кожа щёк, и там новая соединительная ткань, как перепонка, выросла. Ничего человеческого в этом сморщенном зубастом лице не осталось. Знал бы отец, что мне это всё брат шёпотом втихаря пересказывает, такую трёпку бы Антохе задал...

А внутрь, когда заглянули, там все стены в символах странных, углём начертанных, да кровью хлеставшей, уже подсохшей, измазано. Всё залито в смраде неистовом. И кости кругом лежат от его дочери да её детей-близнецов, сожрал, мол, живьём в ритуальном неистовстве сначала малых внуков, а потом и её, изменившись до неузнаваемости.

Что-то бурчал, верещал, да по-человечески подобным ртом говорить не мог уже. Один дядя Олег мог его бормотания понять и истрактовать всем. Говорил Шункар, что богиня лесов дань свирепую требует, жертвы кровавые, чтобы от чистого сердца шли. Кто своих любимых и дорогих ей поднесёт, тому и даст она дальше жить в новом мире.

Дядю за такое захотели запереть прямо вместе с Шункаром, говорят, нагнал на них страху белибердой своей, чуть драка не затесалась, хорошо папа вступился. Говорит, от лихорадки всё, заразу какую-то подхватил при ранении, и кто теперь знает, чем дело кончится. В больницу ж не повезёшь, есть ли они ещё вообще, больницы эти, и кто там работает..

В общем, так как тюрьмы на территории деревни нет, в одной из плотно закрывавшихся бань стали держать старика-шамана. Все выступили голосованием, что б его не кормить, а староста, председатель наш, Айдар Губей-улы, такого отношения не потерпел и велел еду бросать тому, а не морить голодом. Знаю, кости мальчишек и их матери собрать хотели да захоронить, но, вроде, так и не сунулся никто этим заниматься в проклятом шаманском доме, дабы на себя беду не накликать.

А день спустя наш агроном, Пётр Станиславович, опять мужиков всех собрал – на поле, недалеко от озера, где гадюшник обычно, высокая трава за ночь оказалась во многих местах странно примята, формируя целые прямые и извилистые линии. И народ походил там, повырисовывал орнамент полученный, вышел один из символов, что на стене у шамана был углём начертан, только огромный со всё поле. И непонятно, кто б такой мог за ночь вообще создать в темноте, да ещё в идеальных пропорциях и симметрии там, где она была, ведь узор этот, «символ Шаб-Ниггурат», как его трактовали, представлял собой искривлённую пятиконечную звезду с дополнительными «рожками» и несуразными «завитушками». Никто не сознавался, а все друг друга начали подозревать да обвинять, меж собой перессорились...

Луна разрасталась, а вместе с ней и наша тревога. Дядя Олег, казалось, больше вообще не спал. Сидел полулёжа то в кресле, то на стуле у окна за столиком, мог задремать, но

снова кричал, вскакивал, что-то шептал или тараторил, даже «крестился» как-то иначе – от левого плеча двумя перстами, как староверы, вёл к пупку, потом к левому плечу, оттуда наискось к правому бедру, да к левому по прямой, соединяя пять точек в ту самую пентаграмму. Кланялся непонятно куда и причитал всё про ту мать-козу, чтобы нас защитила.

Они всё больше ругались с отцом. Впервые я слышал, как тот не сдерживается в выражениях, ругаясь передо мной и Антоном благим матом. Теперь уже было всё равно, какой смысл вести себя прилично, если от всего общества осталось около пятнадцати человек, да и человеком ли теперь был наш изменившийся до неузнаваемости шаман?

Антон как-то сводил меня к той бане, его показать, оказалось она председателю-то и принадлежит, на его земле стоит. Но нас заметил Митька-сторож, мужик необразованный, резкий, постоянно курящий, словно у него в погребках запас табака на самокрутки, или просто скуривающий уже по привычке всё подряд, что удаётся сорвать да засушить. Прогнал нас, в общем, ружьём угрожал, чтобы не совались. Как ему только оружие доверили...

Брат ещё предположил, что оно не заряжено. Мол, вот чисто ребятню отпугивать, да не осталось в «Сухом Озере» уже ребятни. Младше Антона один я был, остальных, если лесные отродья не выловили, то родители увезли спасать отсюда неведомо куда. Как Антоха ребят трое ещё, и то из них некоторые постарше на год-другой. Остальные, кто есть, уже,

считай, взрослые.

А в ночь полнолуния эти монстры снова пришли. Их будто бы что-то манило сюда. Раз за разом за минувшее время мы их отгоняли, они делали перерыв, передышку, и снова шли на деревню, не опасаясь никаких охранных костров. Зачем мы вообще их делаем каждый вечер? Возводим защитой на ночь, хотя они совершенно их не боятся!

Когда что-то тяжелое и неуклюжее подошло к нашему дому, начав скрестись и задевать частокол, отец взял ружья и снова отправился наружу. Дядю лихорадило у кухни, он вымаливал прощение у высших сил, держал в руках крупный нож для хлеба, закончившегося среди запасов первым же из всех наших продуктов, сидел так в обороне, покрытый потом, весь дрожа и озираясь по окнам, ожидая нападения с любой стороны. Двустволка была где-то неподалёку, так как на лишённой всякой скатерти столике виднелись небрежно уложенные патроны.

Я, затаившись в комнате, зажавшись в углу кровати под слоями тёплого одеяла, сквозь малюсенькую щель поглядывал на своё окно, за которым вновь ощущалось дыхание зла, и маячили странные фигуры теней, среди которых узнавались очертания вытянутой костяной пасти. Но я увидел в этот раз кое-что ещё.

Средь этих крупных челюстей, которые в раскрытом виде не могли вместиться даже в обозримое оконное пространство, вытягивался змееподобным хоботом склизкий и длин-

ный язык, довольно толстый, цвета вяленого мяса, чьи запахи помогали нам проживать на пару с банками варенья.

Этот отросток будто жил своей жизнью, но самое главное – он тянулся непосредственно к ослепительному свету фонаря, касаясь того, получая ожоги с характерным шипением от нагретого до высокой температуры плафона, но будто бы не чувствуя никакой боли, продолжал двигаться, водить по нему и облизывать.

Тварь прервал от этого непонятного мне действия громкий выстрел, заставив отскочить в тень. Папа вышел прогнать эту мерзость вновь с нашей лужайки, а в идеале, конечно же, пристрелить да убить вовсе. Кто знает, сколько там таких особей в стае, но убив даже одну и выставив эту костяную голову на шесте, отгоняя прочих, можно показать силу человеческой отваги и упорства. Сказать всем чудовищам, что им здесь не рады, что это не их дом и не их мир, а наша деревня. И отвадить всякое желание клокочущих порождений душной тугой ночи захаживать на нашу территорию.

Когда чудовище отскочило, я вылез из одеяла и прыгнул к окну, чтобы хоть теперь его целиком рассмотреть. Не помню, отец ли, дядя Олег или кто из гостей-соседей, но явно мужской голос, когда-то обронил запомнившуюся мне фразу, даже не и не вспомню к чему относящуюся, «врага надо знать в лицо». Кажется, это когда деревенские начали без вести пропадать день ото дня и ещё никто не ведал о нашествии козлоногих из леса.

Ничего толком увидеть мне не удалось. В отличие от прошлого раза, зверь слишком много надышал, облизывая фонарь на углу крыльца. Я просто стоял и робко вглядывался сквозь стекло, надеясь, что то по-быстрому отпотеет... А затем у моего рта появилась скользкая крупная рука, и что-то схватило меня крепко-крепко, мигом вырвав из комнаты. Я не мог даже сообразить, что происходит, но брыкался, сколько было сил, мычал сквозь зажавшую мои губы ладонь, а меня стремглав выволокли из спальни в главную комнату, оттуда на веранду, и вот уже вмиг на улицу под громкий топот человеческих ног.

Лишь, оказавшись снаружи, я понял, что это дядя Олег уносит меня куда-то прочь не просто из дома, а вовсе с участка, бежит в темноту троп, не к другим домам, а в сторону леса мимо пустующих участков, залитых мертвенно-бледным светом зловещей луны. Я ничего не понимал, не мог звать на помощь, а долго вырываться и сопротивляться не выходило – час итак был поздний, дневная усталость не позволяла быть достаточно прытким и сильным. Сердце бешено колотилось, а разум не мог разобраться, куда и зачем он меня тащит.

Возможности, раскрыть рот и укусить его – не было никакой. Руки мои были стиснуты крепкой хваткой, выпрямленные вдоль тела, как я и стоял у окна, оказавшись намертво стиснутый, а ноги уже уставали отталкиваться, к тому же я был босяком – кто ж в кровать залезает в обуви, так что удары пятками и стопами едва ли могли всерьез меня выз-

волить.

Мы бежали невероятно долго. Было видно, что сам дядя уже устал держать меня на руках, прижимая к телу и не позволяя ни кричать, ни звать на помощь. Страшно было подумать, что у него на уме, но неизвестность пугала куда больше. А мы всё неслись сквозь деревья и кустарники, пока не стали замедлять ход, когда он уже изрядно устал.

Он поставил меня на ноги, и я ощутил голыми стопами холод ночной земли, колкие мелкие веточки, осыпавшуюся хвою, старые листья – в общем, весь лесной «ковёр» по которому был вынужден ступать. Он держал мои руки за спиной так, чтобы я не вырвался, ведя рядом, а другой ладонью всё ещё прикрывал мне рот, чтобы я не закричал.

Я дёргался из раза в раз, слёзно мычал в ладонку и всхлипывал, но его всё это никак не заботило. Мне хотелось хотя бы спросить, что происходит и почему мы здесь, но он не давал мне сказать ни слова, оставалось лишь пищать и верещать, насколько мог, двигаясь среди тёмного леса, куда проникал иногда сквозь кроны серебристый свет циклопического лунного глаза.

Вокруг я на слух ощущал, что бродят эти чудовища. Копытное перешагивание, сотрясавшиеся от них кустарники и нагибающиеся под их снующими зловонными тушами мелкие деревца. Сейчас дядина ладонь уже не перекрывала своей хваткой заодно и ноздри, так что меня буквально тошнило от окружавшего нас запаха.

Среди деревьев в бликах холодных лучей я сквозь слёзы глядел, как маячат лохматые гиганты. Слышал издаваемый ими мерзостный звук, скребущий буквально по моей душе через всё нутро, выворачивающий от паники наизнанку и ввергающий в такое неистовое желание удирать отсюда со всех ног, что я начал вырываться и брыкаться в дядиной хватке с новой прытью, будто открывалось второе дыхание и организм откуда-то изнутри черпал резервные силы.

Мерзостный запах всё сильнее въедался в окружающий ледяной воздух. Они наполнили здесь собой всё пространство, принесли с собой глубинную тьму, сделав лесные дебри своим морозным прибежищем, несмотря на царящее всю лето, изменяя деревья нашествиями бледного грибка и ползучим выюном, извращая саму лесную подстилку у нас под ногами. И хотелось даже зарыться в проклятую, потную и тоже отнюдь не благоухающую ладонь дяди, но как-то скрыться от тошнотворного зловония волосатых угольно-чёрных копытных туш.

Но всё было тщетно, сбежать так и не удалось, а тот, молча, почти не моргая, когда мне удавалось на него посмотреть, с широко раскрытыми своими каштановыми глазами двигался вперёд, будто бы даже знал куда. В небольших ельниках и сосновых зарослях я узрел, как эти дикие отродья пируют гниющими тушами лосей и оленей.

Только сейчас увидел их целиком и ужаснулся от их внешнего вида – косматое бесформенное уродство! Ничего обще-

го с рогатой лошастью или копытным пауком, которых я себе представлял. Нечто вообще не из этого мира. Потустороннее, демоническое, инопланетное и чужеродное, невесть как способное вообще жить и дышать.

Они ранили моё юное воображение, словно в этот самый миг детство кончилось навсегда, было разрушено, унесено водоворотом бездонного жадного океана, чёрными дырами безграничного космоса в самые мрачные и непроглядные его уголки для извечного заточения. Эти существа не поддавались никакой логике, не имели привычного строения тел животных, нас окружавших. Ни шеи, ни толком спины, невозможно было вообще разобрать, где у такого организма зад, а где перед. Они не из нашей реальности, они воплощение кошмара, настолько дикого и абсурдного, что я едва не потерял сознание уже не от истошного их запаха, а от одного только безобразного вида.

Каждое из существ напоминало ходячий дом, из крыши которого ввысь, подобно языкам бушующего пламени, вздымалось бессмысленное нагромождение винтовых и кольчатых рогов. Устремляясь в крылатую ночь, пронзая лёгкую вуаль туманной дымки, они высились к мрачному небу, застилая собой колючие звёзды, а среди этих остроконечных массивных наростов копошились ещё и конические отростки, извивающиеся, как живые лианы или змеи, как лишённые присосок смрадные чёрные щупальца, сотканые из отвратительных частиц инородного неживого пространства.

Вся эта туша ступала на бесчисленном множестве копытных ног, растущих столь хаотично, что существа не могли даже ровно ходить – если не прыгали с места на место, то они ковыляли и переваливались, прихрамывали и раскачивались, шевеля своими многочисленными хоботками, как чёрное непроглядное пламя вселенской бездны, венчавшими каждое такое массивное тело своеобразной шевелящейся короной.

Тела были покрыты толстой ворсистой шерстью, но кроме изогнутых несколькими коленями копытных ног иных конечностей попросту не было. Никаких рук или лап из этого туловища. Оттуда лишь с разных сторон высывались те самые белёсые черепа, обхваченные связывающими нитями и жилами, где одна над другой, где в отсутствии всякой симметрии.

То, что я видел за окном, было всего лишь одной из десятка пастей каждого такого создания! Оно походило скорее на дьявольское растение с чертами животного гибрида, нежели на лесного зверя, ничего общего ни с лошадьми, ни с козами, ни с оленями. Просто белые головы, подобные звериным черепам без глазниц, словно те затянуло костной тканью. Ведь выпяченные вертикальные веки с ресницами-зубьями, напоминающими хищных растений из книжек о странной фауне жарких стран, располагались как раз на теле, покрывая собой всю цилиндрическую поверхность плотной пульсирующей кожи между этими головами, являя взору красноватые

сетчатые глаза, как у насекомых.

Одни их грозные были довольно крупными, иные помельче, какие-то близко прижаты к туше, словно висят на ней, как прибитые к стенке трофеи, а многие сильно вытянуты вперёд, пожирая мясо с оголившихся костей мёртвых животных. Папа прав, если этих безобразных порождений тьмы здесь расплодится, станет совсем мало зверья. Истребят и оленей, и белок, и заодно всю рыбу в озере, а потом вновь примутся за людей...

Вскоре мы шагали среди лесных огоньков, что нежно-голубыми и белыми сферами мерцали прямо с земли, однако то были не простые светлячки, а что-то куда крупнее. И в лунном сиянии я видел, как к поросли этих маячков приходят эти отродья, нагибаясь, смакуя языками и поедая те прямо, выкорчёвывая прямо с почвы крючковатыми пастями.

При ближайшем рассмотрении, я понял, что это, вероятнее всего, такие сияющие грибы. Не то крупные шляпки, не то сами, цельно, как дождевики, такой сферической формы. Однако, таких я у нас никогда не видел. Это тоже было чем-то очень странным и чужеродным для обычной реальности.

Мимо панически что-то метнулось через ближайшие кусты от одной из медленно ковылявших существ. Я сильно вздрогнул, пытаюсь понять, что же происходит, даже дядя неожиданно остановился, всё ещё не выпуская меня, и не разжимая своей хватки. А потом раздался звериный визг, и было сквозь контуры деревьев видно, как одна из таких тва-

рей одной из своих пастей схватила пробежавшего кабана, видать рыскавшего здесь в поисках пропитания, пока его не вспугнул другой козлоногий.

Но поедать зверя козлоногое чудище не спешило. Оно провернуло голову, потроша пойманную визжащую тушу, заставив клыкастого вепря умолкнуть наверно, а потом бросило на землю, и начало шевелящимися щупальцами из своей кривой рогатой «короны» испускать какие-то мерцающие споры вокруг, выплёвывая заодно из вытянутых костяных ртов какую-то полупрозрачную сине-зелёную слизь на почву. И там начинали прорастать маленькие огоньки, похожие на свет тех грибов, ведь грибы как раз размножаются спорами.

И к кабану начинали сходитья на пиршество иные особи, будто знали, где для них свалено лакомство. Было только не совсем понятно, зачем им пожирать мясо, если они вот так могут выращивать и поедать грибы, надо лишь дождаться, когда те вырастут до крупного размера. Сложно даже представить какого, если б их не срывали заострённые клювы, не знавшие терпения. Но, либо, такой пищи им не хватало, либо грибы шли на закуску к основному блюду, как манок, привлекая их своим мерцанием.

Меня затрясло от нахлынувших идей и сделанных выводов, но дядя всё тащил меня дальше, и на обдумывание всех откровений не было времени, надо было оценить ситуацию, подловить момент и попытаться сбежать. Я даже берёг си-

лы, начал меньше сопротивляться, накапливая их в себе для стремительного рывка в нужный момент.

Мы вышли на залитую солнцем поляну, где меня босяком протащили по неприятно-влажной от росы траве чуть ли не к центру и, наконец, дядя был вынужден отжать мне рот, чтобы повалить на землю, прижав коленом, лишив всякой надежды на побег, и к моему неистовому ужасу потянуться к своему поясу. Взглянув туда первым делом, ведь что он собрался тут устроить волновало куда больше, чем сразу вопить «помо-ги-те!», я сильно задрожал, не веря собственным глазам.

За пояс был заткнут тот кухонный нож, которым он для защиты вооружился, температура возле кухонного стола. Разумеется, я сразу вообразил самое худшее и закричал, начал вырваться ещё сильнее, оглядываясь по сторонам в поисках хоть чего-то или кого-то, кто мог бы помочь. Вдруг неподалёку есть охотники или кто-то ещё. Пальцы ног скользили по влажной зелени, колени болезненно тёрлись о холодную траву и грубую промёрзшую землю под ней, запястья обеих рук до синяков были крепко сдавлены крупными мужскими пальцами, а его голос зашептал какую-то молитву на незнакомом мне языке.

– Зариатнатмих, джанна, этитнамус! Хайрас, фабеллерон, фубентронти, разо, табрасол, ниса! Варф Шаб-Ниггурат! Ийя-Ийя Шаб-Ниггурат! Габотс мемброт! Высшая мать! Госпожа! Чёрная коза лесов! Отзовись на крик твоего слуги! – под конец переходил он на родную речь.

Я глядел вокруг, в густой мрак враждебного леса, где бродили те чёрные рогатые твари со множеством ног и голов, склоняя и шатая деревья, но не понимал, к кому именно из них он обращается. Одни покрупнее, другие помельче, но они сновали так, словно их совсем не занимал весь этот ритуал. Словно никто из них не является Чёрной Козой. Рядом с нами на поляне не было никого, а дядя всё читал и кричал какие-то взятые из своих кошмарных сновидений заклятья, возвания, песнопения, оставляя меня немощно трепыхаться с заломанными руками и его коленом на спине, истошно вопящим и зовущим на помощь, что было сил, ведь его это уже, казалось, не волновало.

Куда он унёс меня? Для чего? Чтобы убить здесь?! Как Антон говорил со слов того старого шамана? Хочет принести меня в жертву, чтобы спасти себя? Да как же так?! Почему? Мы так далеко от деревни... Слышит ли меня хоть кто-то кроме чудовищ? А его? Ведь он тоже голосит, что есть мочи... Я оглянулся, чтобы посмотреть ему в глаза и попытаться понять, за что он со мной так поступает, но дядя стоял, задирая лицо к небу. И тогда я тоже уставился туда, увидев бездну переплетения самого первородного хаоса.

Теперь было ясно, кому именно он это читал. Не то из глубин космоса, не то из недр преисподней, или вовсе из какого-то разверзшегося своим неистовым зевом апокалипсиса необъятного портала, над нами коптило безудержное скопление щупалец с зубцами и когтями, сновавшими среди тор-

чащего множества заострённых клыков и рогов.

Освещённое гадкой луной переплетающееся нечто совершенно немислимых размеров, каждый отросток которого пульсировал и шевелился, клешни сжимались и разжимались, а само оно висело в воздухе, как будто бы при своих невообразимых размерах ничего не весило. Увиденное в небе едва ли доступное к познанию человеческим разумом древнее божество, прибывшее сюда напрямиком из самых вопиющих ночных кошмаров, угрожающе парило под зловещие замогильные трели лунных лучей ложного светила и аплодисменты перепончатых крыльев зловещей вязкой ночи, окутанной вонью и насмешливыми воплями козлоногих отродий.

Она была невероятной! Размером с деревню, а, может быть, даже и больше. В центре вороха склизкого хаоса пустыми глазницами но с ярким оком в подобие лба, чем-то похожий на козлийный череп, коронованный множеством извилистых рогов, разевал свою пасть.

А справа и слева от него исходило ещё по такому же, направленному в разные стороны, словно голова этой Чёрной Козы Лесов составляла какую-то сросшуюся триаду. Царица кладбищ, сама грань между жизнью и смертью, сочетавшая в себе черты, как мёртвого, так и живого в этом калейдоскопе шевелящихся останков и прообразов разных конечностей.

Где-то среди этой шевелящейся массы могильных червей торчали в стороны тонкие длинные лапы с раздвоенными ко-

пытами на концах. Но они казались совсем ей не нужными, рудиментарными, так как, опустишь всё это безобразное месиво на поверхность планеты, она никогда бы не смогла на них стоять и ходить, столь небрежно они сейчас были расставлены, столь далеко разведены друг от друга под буйством извивающихся её органов и столь жалкими и хлипкими казались для напоминавшего живую гигантскую голову хтонической Медузы Горгоны калейдоскопа всех гадких мерзостей, что только можно вообразить.

Праматерь всего рогатого и копытного, воплощение первобытной природной дикости и свирепости, немислимая богиня извращенного плодородия, требующая зверские истязания и кровавые жертвы за свою милость и покровительство. Дядя всё читал тексты древних воззваний на мёртвых и давным-давно всеми забытых языках, чьи носители давно канули в перемальвающие всё жернова безмерной глотки беспощадного времени.

А я глядел, как открываются, глядя на нас, всё новые и новые глаза на этой склизкой аморфной богине. Настолько грозные, не уподоблявшиеся живым существам нашего мира, сверкающие и блестящие, будто покрытые воском, воистину inferнальные, они загорались, где угодно вокруг, но только не в непроглядных глазницах её черепов, вобравших в себе ту самую изначальную мглу начала времён, как скрывают свои чудовищные тайны непроходимые дебри извилистых неисследованных пещер, внутри которых скрываются

ещё более невыносимые ужасы.

Конечности, венчавшиеся всевозможными формами клешней, у неё были невообразимо тоньше и многократно длиннее остальных шевелящихся органов. Но были среди них и совсем-совсем тонкие, подобные кнутам, будто какие-то усики. А вдали виднелось мохнатое тёмное брюшко, как у пчеломатки, узор которого составлял странные символы. Всё оно было преисполнено восьмигранными сотами среди масляно-густой переливающейся шерсти, откуда, видимо и порождался её отвратительный чёрный легион молодых – бесчисленное потомство, обрушившееся на нас карой за все прегрешения человечества перед природой.

Кое-где вокруг нас будто бы натыкались друг на друга и даже дрались меж собой, лязгая пастями, её взлохмаченные пучеглазые отродья. Некоторые из них просто расшагивали среди кустов и стволов, распугивая и доводя до изнеможения лесных птиц и селящихся на ветвях животных, а другие задирали все свои головы-черепа к небу и хором выли для своей матери болезненную мелодию «Эву-эу-э-ки-ки-ки-ки» вязким пронзительным клёкотом, стаями кружащих летучих мышей, уносящуюся в потустороннюю высь к спиралям бесчисленных и липких конечностей, зависших над нашим обречённым миром, словно само олицетворение смерти. Звуки ужаса, смердящий свист погребального марша, какофония песни безумства, пожирающая здравый рассудок...

Ожидание конца было самым страшным, и сильнее все-

го пугала не неизбежность смерти в крепких руках сильного дяди, решившегося на такой невыносимый и бесчеловечный поступок, а незнание момента, когда всё свершится. Я понимал, что жизнь моя вот-вот оборвётся, что он решил убить меня и зарезать здесь, принести в жертву безобразной богине, но не знал, когда кончатся его песнопения, а нож всё это время оставался зажат в его руках. Если бы он хотя бы повесил его снова на пояс, может, я ногами как-то смог тогда дотянуться и вытащить. Может, рванул и высвободил хоть одну руку, выхватывая его, но у меня не было никакого шанса защититься и вооружиться. И эта обречённость буквально парализовывала каждую мышцу, замораживала кровь, и только трепещущее сердце отбивало истощенный ритм, будто бы напоминая дяде, что я всё ещё жив и подготовлен к кровавому действию.

И он, и я, всё глядели ввысь, как древнее чудовище двигает всеми своими конечностями, клацает пальцами и клешнями, взирает на нас мириадами глаз, словно бездушное искажение звёздного неба, и жаждет человеческой крови. Жаждет истиной жертвы, чтобы погиб тот, кого любишь, а не какая-нибудь обрядовая курица или выращенный для заклания ягнёнок.

Эта bestия ждала настоящей агонии, и я ощущал это всем своим нутром, глядя на её тошнотворный облик. Она питалась страданиями и страхом, обращаясь к самым тёмным уголкам души, где засевшая, как насекомое в своей норе, на-

ша память из далёких времён заставляла робеть перед тем, что не удаётся понять и постичь, перед скрывавшимся во мраке ночи опасностями, диким зверьём, природным ненастьем, когда морской шторм, страшная засуха или грозы воспринимались проявлением воли свирепых богов, точно также требующих бессердечных жертвенных ритуалов.

И было понятно, почему наши боги оказались глухи к молитвам. Сколько бы вероисповеданий не существовало в деревне, новые боги не могли защитить нас от всепоглощающего древнего зла. Прав оказался тот, кто убил и съел всю свою семью, ведь только так можно было спастись от гнева истинной не подвластной ни описанию, ни пониманию богини. Чёрной, как ночь, необъятной, как бездна, страшной, как смерть и свирепой, как весь этот дикий мир, где испокон веков выживал сильнейший. Но какой ценой?

– Сжался над твоим слугой! Ийя Шаб-Ниггурат! Мать легионов! Прими эту жертву и дай глупым людям шанс сосуществовать рядом с потомством твоим! Тёмная молодь пусть пощадит нас, ибо мы служим тебе! Поём песни тебе и славим тебя! Шаб-Ниггурат! Чёрная Коза Лесов! – дрожащими губами под наворачнувшиеся слёзы кричал дядя Олег, сжимая покрепче нож.

Казалось, кульминация ритуала уже близко. Он даже не хочет взглянуть на меня в последний раз, чтобы не выпустить из-за сковавшей сердце жалости. Он действительно хотел это сделать! Выкрал меня, когда отец был снаружи, а Ан-

тон в своей комнате! Когда я был один в спальне, да ещё облегчил ему задачу, подпрыгнув к окну и вытянувшись там стрункой, став столь уязвимой и лёгкой добычей...

Занесённая с отражавшим лунное око ножом рука дрогнула, и под оглушительный выстрел мне на спину и оборачивающееся от удивления лицо хлынули брызги крови. На миг я зажмурился от этих тёплых, но весьма неприятных брызг. Однако едва ощутил, что хватка на моих запястьях ослабла вместе и с давлением колена на спину, как вскочил на траву, и, обернувшись, увидел сперва роняющего нож и пристреленного в затылок дядю с загадочным выражением смешанных чувств на лице, а за ним, вдали у деревьев, стоящего папу с ружьём, к которому тут же и понёсся со всех ног.

– Папа! Папа! – жался я к нему во тьме деревьев, – Ты всё-таки пришёл, я знал, я надеялся, хныкал я, уткнувшись в его рубашку и вытирая слёзы.

Сколько пришлось ему пройти в своих поисках? Он не боялся блуждать сквозь гнилой и пропахший тленом воздух, среди всей этой тёмной молодежи ужасной королевы ночного мрака. Как настоящий бывалый охотник, он взял след и достиг своей цели, спас меня, погубив собственного брата, но иначе в этом жестоком мире выжить у всех нас бы уже не получилось!

– Если б ты не звал и не кричал, никогда бы не нашёл, – коснулась его рука моих волос, – Идём поскорее! – проговорил он, спешно перезаряжая ружьё, – Антон караулит дом,

ждёт нас.

Не то от прерванного ритуала, не то на звук выстрела сюда уже, совсем не страшись, неслоь несколько небольших особей. Когда они неслись прыжками, как призрачные чудовища торфяных болот Баскервиль-Холла, проклятое зверьё уже не шаталось и не ковыляло, а двигалось за счёт скорости довольно уверенно, вселяя жуть и дрожь в наши и без того перепуганные души. Благодаря этому адскому полнунию их, так или иначе, было видно среди величавых деревьев, безучастных молчаливых свидетелей того, что ни во снах, ни на яву узреть не пожелаешь даже своему самому заклятому врагу.

К нам бежали блеющие выродки, немного помельче тех, что приходили к нам, эти бы не смогли перешагнуть наш забор, но зато им было куда удобнее направить свои рога. Похоже, какая-то такая тварь и боднула в бок тогда на охоте дядю Олега. А теперь они начали преследовать нас, хищно лязгая всеми своими пастями с непроглядно-чёрного тела в гуще жёстких ворсинок и бесчисленного множества алых глаз. Мы укрывались за деревьями и слышали, как их массивные рога вонзаются в плотные стволы, а хоботы на головах пытаются те высвободить.

Папа присел на одно колено и, прицелившись, выстрелил, заставляя одну бежавшую мерзость споткнуться и пролететь под своим весом несколько метров по земле. Думаю, попал чётко в колено, что при десятке или более ног даже в ночном

лесу было не сверхсложной задачей. Пока она поднималась, он тоже успевал перезарядиться и выстрелил снова. От такого близкого и оглушительного грохота у меня заболело в ушах и я прижал к ним ладони.

Подумалось, что папа зря взял своё ружьё, лучше бы из дома с собой вытащил оставленное дядей – ведь двуствольное перезаряжать куда реже, но зато, с другой стороны, из своего привычного «ИЖа» он в самый ответственный момент, там, на поляне, хотя бы чётко сумел прицелиться и выстрелить, не задевая меня.

– Что стоишь-то? Бежим! – скомандовал он, видя, что раз за разом, сколько в отродье ни пали, прыть этого молодняка не угасает.

Может, крупные зрелые особи и отступали с наших участков, а эти, небольшие, похоже, были более злобные, может, более глупые или слишком голодные, вдруг им уже в лесу пищи на всех не хватает, сколько ещё отродий собирается породить та кишачная богиня хаоса?! Мы всё ещё не знаем об этих тварях ничего... Хотя было кое-что, о чём бы я хотел дома рассказать и Антону, и папе.

Личные наблюдения, не более того. Я сам был ни в чём не уверен, да и захотят ли они вообще меня слушать, поверят ли, но наш староста-председатель действительно был прав. Мы бежали, что было сил, натыкаясь на крапиву, колючую ежевику, едва не налетая на древесные стволы, петляя, хоть как-то среди паутины, торчащих коряг корневищ

и лесных зарослей, двигались на свет костров, что уже виделся сквозь рощу.

Я так боялся поднять свои глаза к небу, чтобы увидеть осталась ли вопиюще отвратительная проклятая богиня парить в воздухе над поляной, не имея даже крыльев, как мне казалось, или же преследует нас. Как реагирует она на прерванный ритуал в её честь, на наш побег, на то, что мы отстреливаем её неказистое потомство...

Какие-то чудища от нас отстали, какие-то нет. Иные бы преследовали, но спотыкались, переворачиваясь по нескольку раз в падении, или глубоко застревали в коре, так что двигаться дальше уже не могли. Я не видел точно, убил ли отец хоть кого-то, но он всё же постоянно перезаряжал ружьё и делал остановки, чтобы прицелиться.

На очередной такой раз пока он стрелял в одно из бегущих созданий, его подбросило подбежавшее другое. Я в панике закричал, не зная, что делать. Застыл на месте от охватившего меня душашего паралича ужаса. Ружьё разломилось от удара о соседнее дерево, папа отлетел вместе с клацающим зловонным монстром, а потом дикая тварь впечаталась в раздвоенный молодой ствол бука, сотрясая его, но не в силах выдрать с корнем и вытащить оттуда свои витиеватые рога.

Папа с трудом поднимался, прислоняя ладони к израненному бедру и торсу, рубаха быстро обагралась расширяющимися алыми пятнами, что было видно даже ночью, в ярком взоре подглядывавшей за нашими страданиями луны. Было

видно, что второй рукой он держится за позвоночник, видимо, ещё и ушиб спину, а голова моталась по сторонам, скорее всего, в поисках ружья.

– Оно расколосось! – крикнул ему я, что было сил, – Ты ранен?

– Не стой столбом! Домой беги, живо! – велел он мне и как мог, ковылял следом.

Застрявшая тёмная молодь неистово взвыла, пытаясь толстенными щупальцами, растущими среди рогов, переломить раздвоенное дерево, обвивая то, будто свора питонов душили нечто крупное и несоразмерное. Там и тут слышался топот копыт. У каждого такого дитя богини всех рогатых было столь много лап, что постоянно держался морок иллюзии перемещения целого табуна, целой конницы, что навевало невероятный трепет.

Я бежал вперёд, как велено, но всё равно притормаживал и поджидал отца, превозмогавшего всю царящую внутри его израненного тела агонию. Там могли быть пронзены органы, сломаны рёбра, боги его знают, что ещё, если боги помимо той космической немислимой бестии, конечно, вообще существуют...

Кажется, теперь я никогда не смогу спать. Мне будут сниться, если не белые дышащие черепа за окнами с их длинными языками, то уж точно рыжеватого-огненный взор среди копошащихся отростков бесчисленных щупалец, одни из которых венчались крючьями когтей, другие перерастали

во все виды клешней, а третьи были усеяны присосками то с одной, то со всех сторон своего цилиндрического змееподобного тела с коническим окончанием. Хотя, казалось, там были также и тончайшие усики, и просто такие, склизкие, подобные кольчатым червям, не имевшие ни когтей, ни зубов, ни шипов, просто гладкие, развевающиеся в воздухе в таком невероятном количестве, словно густые волосы чьей-то причёски на небольшом ветерке.

Выходя на опушку, мы двигались к кострам, а там с самодельным факелом бегала длинноволосая фигура, возжигая всё новые, окружая пространство обилием огня, и в силуэте этом без труда угадывался суматошный Антон, оставленный папой охранять дом, что тоже был уже относительно неподалёку.

Я вышел первым, но не бросился к нему, а решил подождать отца, как будто выход из леса на залитую бледными лучами небесной скверны небольшую поляну и следом располагавшуюся широкую сельскую дорогу выглядел хоть сколько-нибудь безопасным и позволял вот так переждать прямо здесь.

Прижимая ладонь к груди, дабы отдышаться после всего пережитого, да ещё такой нервной и стремительной пробежки, я думал, сердце попросту разорвётся, не выдержав нагрузки, столь сильно стучало оно и подёргивалось изнутри. Брат звал к себе, кричал всё «скорее» и «скорее», а я стоял, смотрел на него и оглядывался, ждал, когда из темноты вет-

вей доковыляет папа.

Антону бы бросить кострища да подбежать к нам, помочь отцу, став опорой, и вместе бы дотащили его поскорей до дома, повключали бы везде свет, повелел бы им вырубить этот генератор, всё рассказав, что увидел... Я махал ему, звал сюда, к нам, манил на помощь, а Антон стоял с факелом, опешив, уставившись на меня и стоя между кострами, будто боялся подходить ближе к лесу или словно не верил, что из темноты меж деревьями вот-вот появится папа.

Наконец, он таки показался, выходя на опушку, но вид его был совсем плох. Нижняя губа вся в крови, от неё алый слой по всей бороде, дыхания не хватало, нога с раненным бедром, понятное дело, прихрамывала, да ещё вдоль бока было несколько ранений на теле. Это даже не удар быка на корриде, у тех хотя бы рогов всего два растёт из головы. А тут из этих непонятных туш на куче лап, из спины их прорастали десятки! Плюс ещё кусачие головы, похожие на черепа наших животных, но едва ли имевших близкое родство с земной лесной фауной.

Я теперь понимал, что эти создания к нам прибыли из космоса. Их богиня принесла своих детей, чтобы плодились на нашей планете, а мнение человечества никто не учитывал. Нас в лучшем случае считали едой. И, может, только находящие общий язык с паранормальными силами всякие языческие жрецы да шаманы могли в том или ином виде находить контакт с этим живым источником безумия, потребо-

вавшим служения, подчинения и зверских актов убийства и каннибализма, дабы оставить из нас в живых для себя хоть кого-то, кто бы снова пел и читал заклинания, чертил в угоду божеству таинственные знаки, возводил бы в честь Чёрной Козы всякие храмы...

Но заслуживает ли такой жестокий бог поклонения? Как мог дядя Олег поступить так? Предать всё и всех, нас, свою семью, и похитить меня, желая убить во славу склизкой мерзости, явившейся по наши души... Может, лучше умереть в любви, чем жить в хаосе? Исчезнуть в объятиях того, кто действительно дорог, уйти в иной мир вместе, не страшась ничего, чем под ужасом страшной кончины совершать безрассудные варварские деяния, уподобляясь допотопным вымершим культам сгинувшим в веках цивилизаций, превращаясь под гнётом диковинного хтонического исчадия в людоеда и тоже в какое-то чудовище, уподобляясь сошедшей с небес чуме...

Казалось, эти существа здесь повсюду – и в лесу, и в деревне был слышен их топот и клокочущий насмешливый визг. Они, откуда бы ни прибыли, не считали людей расой себе подобной. Мы стояли для них намного ниже в пищевой цепи, а все наши научные достижения, культура и искусство выглядели для них пустым звуком, не достойным внимания древних богов, сколь бы таких ни было.

– Антон! Живо домой! Я тебе сказал никуда не выходить! – почти задыхаясь, что было сил, грозно кричал ему

папа, появляясь позади.

Я помчался к брату, чтобы отец не сердился, а кругом раздавались звуки настоящего хаоса – вопли людей, лязг битого стекла, ломающихся построек. Было боязно сделать даже шаг, и всё же, добравшись до дома, могло бы стать как-то спокойнее. Даже притом, что, эти создания явно уже, ничего не страшась, вламывались в деревенские постройки.

– Я сделал больше костров, чтобы эти твари... – отвечал тот, но был мгновенно схвачен пастями черепов пронёсшейся крупной бестии, резво бежавшей с одного пустыря на другой, там где располагались заброшенные и не заселённые участки земли.

Мне не удалось удержаться на ногах, я согнулся пополам, а потом аж присел, закричав. Думал, что рухну в беспамятство, что меня стошнит в нахлынувшей истерике, что от ужаса потери старшего брата сердце всё-таки лопнет, окончив все эти мучения... А хотелось проснуться дома в ярком солнечном свете сквозь не зашторенное окно, дабы всё это оказалось попросту затянувшимся ночным кошмаром...

В себя я пришёл, замолчав, лишь, когда меня приподнял доковылявший отец. При нас ни ружья, ничего, он изранен, а всё находит в себе возможность быть сильным и спасти меня даже в такой ситуации. Я никак не мог поверить в гибель Антона, его унесли в темноту так быстро, что не было даже уносящегося шлейфа его голоса, никакого затихавшего крика. Хотя, наверное, я сам завизжал так, что уже бы ниче-

го не расслышал.

Как у папы после такого вообще оставались силы?! А он приводил меня в чувство, потряс, убирая мои руки от застланных ушей, которые я даже не заметил, как туда опять поднял. Он помогал мне идти, хотя это именно ему была нужна помощь. Я даже не видел, куда иду, всё лицо было в соплях и слезах, которые протереть удалось уже в нашей избе первым попавшимся «полотенцем», оказавшимся шторкой между комнатухами...

– Ты сильно ранен? Как ты? – было первым, что я спросил, вернувшись к плюхнувшемуся в кресло на веранде отцу, – Хочешь воды? – пытался я быть хоть чем-то полезен.

Я тоже старался быть сильным, несмотря на острую боль от потери старшего брата и неистовый страх за здоровье и судьбу отца. Происходило то, чего я боялся больше всего на свете – близкие умирали, а я оставался в этой черноте и пустоте один, совсем один, о котором даже не вспомнят, никогда не найдут, которого некому больше защищать... Совершенно никому не нужный...

Сильнее всего на свете я молился, чтобы папа выжил и был здоров. Чтобы раны затянулись, и не было никаких последствий, как с дядиной лихорадкой и этим нахлынувшим безумием. Без кошмарных снов, без яда по телу, а, чтобы всё просто, наконец, наладилось и стало хорошо... Мы ведь можем попытаться со всем справиться... Без мамы, без дяди, без Антона всё равно как-то жить и держаться вместе, защи-

щая друг друга и обороняя дом. Или уехать отсюда вместе, перебираясь на новые земли в поисках спасения.

Он тяжело дышал и ощупывал свои раны. Мне показалось, что он даже на полном серьёзе боится расстегнуть рубашку, чтобы их осмотреть, опасаясь того, что может там увидеть, но промыть-то их всё равно явно следовало бы. Знать бы, остался ли спирт после обработки раны дяди Олега, и, если да, то куда теперь папа убрал ту бутылочку.

– Принеси бинты и вату, марлю, всю аптечку давай, – махнул он рукой, прохрипев, как мог, приподнимая на меня голову с окровавленной бородой и всё ещё тяжело дыша.

Я притащил и аптечку, и кружку с водой, был рядом, пока он протирал и перевязывал себе буквально весь торс – раны были и в подмышке, и под рёбрами, и в бедре, отдельные ссадины на животе и царапины на груди. Хотелось помочь, что-то сделать, обернуть, отнести и принести, подержать, но на каждое моё предложение папа отвечал отказом, повелев лишь ни в коем случае не покидать дом.

– Надо выключить генератор и затушить костры, – набрался храбрости и с серьёзным видом сказал ему я.

Будет он меня слушать или нет, я ведь имею право поделиться своими мыслями. И хотя на самом деле для нас обоих крайне важно, чтобы он мне поверил, главное было донести информацию, а не опасаться, как он на всё это отреагирует. Я понимаю, что был по-настоящему напуган, когда меня выкрал из дома среди ночи родной дядя, затаскивая в лес,

кишащий ожившим безумием, но я воочию видел, как гуляющих существ манили к себе сверкающие грибы, как тёмная молодь ринулась стремглав на вспышку выстрела после ружья... И слышал, как они совершали на нас массовые набеги лишь когда по периметру начали зажигаться костры.

Эти огни нас и сгубили, Айдар Губей-улы был прав. Но не пожаром, как он считал. Похоже, что эти чёрные порождения хаоса прибыли из мира, где росли кругом и где они даже сами выращивали себе люминесцентные грибы. Перерабатывали их, рассеивали споры, и привыкли поедать всё, что так ярко сияет. Эти отродья никогда бы не смогли освоить добычу огня, а, значит, у них не было ни пороха, ни свечей, масляных светильников, ни лампы накаливания... Всё это их манит, провоцирует голодный интерес!

Они – как мотыльки, безудержно лезут на свет! Пусть он обжигает их, ранит, но всё равно привлекает. И эти выродки не в силах противиться собственным древним инстинктам, сохранившимся, на какой бы планете они ни побывали. Не могут изменить своим привычкам, а мы, желая защититься, попросту сгубили всё население деревни...

Потому эта пасть за окном так усердно облизывала наш фонарь. Потому оно приходило именно к моему окну, где на углу дома, с краю веранды, сияла эта наружная лампа. Будь Антон жив, он бы смог сопоставить, горели ли подобные в домах у тех, на кого нападали ранее в первую очередь. Свет их манил, и это было чудовищным откровением, нахлынув-

шим на меня тогда в ночном лесу.

Потому, наверняка, мертвы города, чьи сверкающие вывески и обилие огоньков сильнее всего прочего притягивало к себе их внимание. Наверняка не повезло многим военным, ведь у них прожекторы, фары, разные лампы и фонари... Они охотятся на машины, что ездят по дорогам, на тех, кто, поставив палатки в лесу, греется у костра, на всё, что сверкает и мерцает, на всё, что горит и влечёт их к себе этим свечением. Я помню, как они, окружив поляну, раскрывали свои выпяченные веки хищных ресниц, уставившись на блики лезвия в руке дяди Андрея, заморожено поглядывая на то, как взывает к несущей погибель Шаб-Ниггурат. Потому-то их так привлекает среди ночи луна, и потому они не активны днём, ведь все огоньки ценны и интересны тем, что сверкают и зовут к себе посреди мрака.

Не какая-то высшая раса, не триумф разума на пике собственного развития, не старшие существа вселенной, познавшие истины мироздания и не обладатели высокого интеллекта да высоких технологий. А жалкие полоумные существа, ведомые исключительно инстинктами. Низшее склизкое зверьё... Уродливое и аморфное подобие наших мотыльков, почивших от ловушки электрического света.

Вокруг раздался громкий топот копыт, причём с разных сторон, будто бы по территории двора разгуливало сразу несколько этих тварей. Меня снова пробрала дрожь и по телу понеслись стаи морозных мурашек. Папа внимательно меня

выслушал и, кажется, всё же поверил. Они знают, что мы здесь, но нужны ли мы им так сильно, как об этом думаем? Голодны они или просто привлечены сюда ярким светом?

– Принеси мне двустволку Олега, – сказал он, делая многочисленные завязки поверх плотных бинтов.

– Ты же не пойдёшь туда? – опешил я.

– Приказы не обсуждаются, солдат. Я сказал, живо! – велел он мне поторапливаться, и не оставалось ничего иного, как отыскать поскорее в доме дядино ружьё, а заодно и патроны к нему, ведь не одним видом папа собрался пугать тех, кто шастал там снаружи.

– Не надо туда ходить, – дрожал мой голос.

– А кто фонарь выключит, ты? – строго смотрел он, – А генератор? Знаешь хоть, как он работает?

Я слёзно помотал головой, подрагивая на месте. Я бы мог затушить костры, отнеся туда вёдра с песком, но прекрасно знал, что даже предлагать эту самоубийственную миссию к месту, где монстры забрали Антона, вслух мне не следует. Эта беспомощность и этот взгляд его меня угнетали. Я будто ничего не мог сделать, кроме как трястись и затаиться, переминаясь босыми испачканными ногами. А папа был сильным, даже сейчас! Не убивался горем о потере старшего сына, не сдавался на милость судьбы с такими ранами...

Прежде, чем он успел снова одёрнуть полы рубахи, я заметил, как в нескольких местах алеют бинты его перевязи. За всё это время не удалось даже кровь из ран остановить, а

он собрался погасить свет вокруг. Может, ступать к кострам и не надо, они за два участка от нас вдоль обходной кольцевой тропинки. Достаточно вырубить генератор и это погасит весь свет в доме. А можно было выключить его и вручную, но наружная лампа бы оставалась сиять ещё какое-то время в остатках скопленного заряда. Ту, что на крыльце, отсюда не погасить, выключить можно только снаружи. Ну, и если б бурчащим электрическим звуком сам генератор не тарыхтел, наверное, было бы и вправду чуть-чуть спокойнее.

Папа, прихрамывая, вышел наружу, а мне велел обратиться с крыльца подальше, как будто оно чем-то менее безопасно, чем другие комнаты. У нас окна везде, твари могут вломиться куда угодно, если захотят. А ещё очень пугала мысль, что если с папой вдруг что-то сейчас случится, то это будет из-за меня. Из-за моей навязчивой идеи, основанной на светящихся грибах и облизывании плафона.

– Будь дома, – повернулся он ко мне, стоя в дверях и шагнув правым сапогом за порог, – Будь сильным, всё понял? – говорил он мне, будто собирался прощаться, а я мог только кивать в ответ, слёзы своей горечью сдавили всё горло.

– Свет не включай, даже если что-то услышишь, – наставлял он меня, – Вяленого мяса хватит надолго. Посмотришь потом, что ещё есть в погребе. Ничего и никого не бойся, вокруг дома частокол. Если что, есть соседи. Верь в себя и жди помощи.

– Папа! – только и вырвалось у меня вместе с протянуты-

ми к нему руками.

– Я мигом, – кивнул он, – Люблю тебя, сынок. Затаись и жди, – поглядел отец мне в глаза и вышагал наружу, осматриваясь по сторонам и прикрыв дверь, так что дальше я уже не мог его видеть.

Нужно было всего-то пройти вдоль стены дома, вручную отключая фонарь там, где его он щёлкает его кнопкой каждый день ближе к вечеру. Либо двинуться в другую сторону прямо к тарахтящему генератору, вырубая тот неведомым мне способом, но, наверняка, тоже совсем не сложным. Пап всё знает, обязательно справится и быстро вернётся. Расстояние одинаковое, не знаю, что бы выбрал сам в такой ситуации, главное было, как можно быстрее вернуться домой.

Но, пожалуй, выбирать стоило генератор. Ведь фонарь – это приманка для мотыльков, там могли быть эти твари, собраты вместе и облизывать его, тянуться всеми своими пастьями, пытаюсь откусить подвешенный плафон с лампой, но пока я это сообразил, вокруг дома уже взвыл хор хищнических черепов, раздался приближавшийся топот и парочка выстрелов...

Я помчался к своему окну, а за ним царил лишь мрак. Фонарь был выключен. Может, откушен, может, уничтожен из двустволки, теперь уж не видно. Даже луна освещала совсем не западную часть нашего земельного участка, так что я остался внутри тёмного дома дожидаться папу, а он всё никак не шёл и не шёл.

Поначалу я думал, что разобравшись с фонарём, он решит ещё и заглушить генератор, разгуливая туда-сюда, но зачем так сильно подвергать себя опасности?! Потом я подумал, что, может, для успокоения нервов он решил закурить. Но тоже врядли, я ведь ему всё объяснил. Теперь любая загоревшаяся спичка или мерцающая в темноте сигарета станет манком для чудовищной нечисти, тут же ринувшейся на блик.

А, если, он там упал от ран, если ему нужна помощь? Могу ли я нарушать все его запреты и подвергать опасности уже себя, выйдя наружу? Хватит ли мне сил затащить в дом такого крепкого и рослого мужчину? Что-то придумаю, буду пытаться, нельзя же оставлять его там одного!

Я неспешно ходил из комнаты в комнату, стараясь, чтобы половицы не скрипели, выглядывал наружу, но нигде ничего не видел. Лишь с веранды было видно посеребрённые бледным светом с зловещих ночных небес пустынные деревенские улочки, заборы, кустарники, соседские домики, деревца... Но ничего кроме.

Внутри меня всё одновременно и пылало, и холодело. Где же он? Почему не возвращается? Почему не идёт? Я не мог его звать, не мог послушаться и выйти наружу, ведь если меня поджидают жуткие монстры, то нужно оставаться здесь, где безопаснее. Секунды казались часами, а волнение переполняло настолько, что ладони сильно потели, я себе просто места не находил.

А где-то вокруг снова поднимал пыль копытный топот. Я увидел издали, как крупная тварь, похожая на лохматый маленький цилиндр на корявых разного размера ножках, увенчанная вздымавшимися рогами, склонялся возле костров и начинал пожирать прогоравшие головешки одной, а то и несколькими соседними своими костяными мордами, следуя своему инстинкту жрать всё, что несёт свет, и переворачивая дрова изогнутым клювом.

Воочию предо мной появилось подтверждение моей теории. Я смог хоть что-то... Но этого было ничтожно мало! Вероятно, я даже отца не уберёг, который всё-таки мне поверил. А хотелось бы сделать намного больше, поделиться с кем-то всем этим, пока о дом трутся тушами, вороша частокол, и скребутся другие, кто не поедает угли, а, вероятно, уже давно здесь чуял меня.

Когда свет луны добрался до резного обеденного столика, я выхватил маленький ножик для чистки картошки, которая, может, ещё осталась где-то там, в погребе, и принялся вырезать крупно и чётко, букву за буквой прямо на деревянной поверхности. Быть может, это последнее, чем я действительно могу быть полезен всему человечеству...

Но, даже если и удастся совладать с этими уродливыми козлоногими, что мы будем делать с той, что взирает на нас свысока? Что мы противопоставим ей? Их чудовищной колоссальной матери, сеющей страх в людские сердца, пронзающей души ледяным отчаянием, порождённой некой поту-

сторонней бездной, что таится вне нашего понимания...

Эпилог

Отчёт Агапова В. С., капитана седьмого разведывательно-эвакуационного мотострелкового взвода под старшим командованием майора Синицина О. В. и входящего в роту подполковника Зуева Н. Н. от 17 июня 1944 года.

Докладываю, что миссия в деревню «Сухое Озеро» Минусинского района Краснодарского края республики Башкортостан возымела неожиданный поворот, поспособствовавший развитию нашей дальнейшей тактики ведения боя с неприятелем. К сожалению, как и многие другие деревни вокруг Магнитогорска, эта подверглась нападению и пала в неравной схватке с не до конца ещё изученным врагом и была почти полностью разрушена.

Подобно соседним поселениям, здесь также пытались отогнать и отпугнуть силы неприятеля разведёнными кострами вдоль периметра и некоторых конкретных участков. Как и в прошлые разы – безрезультатно, метод своей эффективности снова не дал, а следов от побывавшего там врага на участках везде недостаточно.

Взвод сумел изъять на нужды выживших ряд ресурсов, среди которых первыми по важности идут продовольственные и боевые. Также небольшое сохранившееся поголовье скота, в том числе домашней птицы. Полная опись прилагается к отчёту отдельно. Особо ценным стоит отметить по-

полненный боезапас охотничьей дробы, сигнальных ракет и большое количество патронов к пистолету Макарова (ПМ) ИЖ-70-17А девятимиллиметрового калибра. Однако самого пистолета, как и владельца, обнаружено не было.

Тел в деревне найдено было чрезвычайно мало, как и по итогу предшествовавших миссий необходимо большую часть населения объявить пропавшими без вести. Кто-то мог покинуть деревню своим ходом, убежать в леса, отсутствовать во время спасательной операции (напр. охотники). Однако поиск во всевозможных погребках, подвалах и убежищах был взводом проведён с полной и тщательной отдачей делу.

Больше всего нас поразило странное иссохшее тело, замурованное в бревенчатой банной постройке председателя сельсовета Тагирова Айдара Губей-улы. Опознать тело по каким-либо внешним признакам не удалось. Но в отличие от других странных покойников, похожих на рыб и земноводных внешними признаками, этот выглядел очень уж странно. Осмелюсь предположить, что он являлся захваченным в плен неприятелем.

Тело человекоподобное, лишённое всяческого волосяного покрова и ногтей. Тело щуплое, высота два метра шестьдесят семь сантиметров. Череп массивный, гладкий, ротовая область по-странному цилиндрически выпячена, а передний ряд искривлённых зубов дополняется задним вторым. Лицо сморщено, напоминая звериный оскал какого-нибудь прима-

та. Тело забрано для дальнейших анализов экспертами уже на военной базе. Груз с пометкой «НТ-112». Подобное описание с дополнением бойцов-очевидцев из взвода во втором приложении к отчёту.

Очень странным нахожу жилище местного шамана тенгри, изнутри всё устлано человеческими костями, среди которых два черепа совсем маленьких, детских. Кругом непонятные религиозные символы, чем-то смахивающие на сатанинские пентаграммы с добавочными народными узорами. Похожий символ был начерчен на поле, что у озера, сложенной травой. Предполагаем, что сознание деревенских жителей деградировало до суеверий, странных культов и даже чудовищных жертвоприношений среди своих. С подобной трансформацией характера на религиозной почве взвод уже сталкивался несколько раз в прошлых вылазках, о чём подробнее рассказано в прошлых отчётах. Но здесь всё увиденное среди последствий меня по-настоящему ужаснуло подобной жестокостью.

Но самым удивительным для нас был один из домов на окраине, обнесённый большим частоколом, в котором погибло, напоровшись, несколько вражеских тел. Рядом с постройкой среди человеческих останков было найдено двуствольное охотничье ружьё «ИЖ-43», в частности модель «МР-43Е» с прикладом из бука. А внутри дома, в чёрном комодe целый склад боеприпасов по ящикам к нему и одноствольному турецкому «Impala Plus», которое нигде на тер-

ритории участка обнаружить не удалось. В постройке почти полностью отсутствовала одна стена, через которую, видимо, и было совершено проникновение сил неприятеля. Припасов и ценностей, в остальном, внутри было не более чем везде. А вот надпись, обнаруженная нами на деревянном столе недалеко от находившегося внутри на полу трупа – обглоданного маленького скелета, скорее всего, принадлежавшего ребёнку лет десяти-одиннадцати, перевернула всё наше представление о сражении с загадочным врагом.

Нацарапанная надпись гласила «Они ползут на свет!», что при дальнейших наших исследованиях на месте подтвердилось, как истина. Противник, как обезумевший, набрасывался на расставленные прожекторы и оставленные под наблюдением лампы. Стало ясно, почему враг активен лишь ночью, почему были совершены нападения на дивизии и взводы в пути. Если бы информация не была нами вовремя обнаружена, это могло стоить жизни бойцам седьмого разведывательно-эвакуационного мотострелкового взвода или даже всему взводу разом.

Считаю самым главным донести эту мысль и до вас в итоге отчёта. Свет, будь он электрический, от огня или любой иной, провоцирует у полчищ противника инстинкт к нападению. Природу и суть этого явления пока разгадать не удалось, зато с помощью засад удалось заполучить образцы, отправленные на изучение и дальнейшие исследования. С пометкой груз «НО-082».

Таким образом, ведение боя с минимальными потерями с нашей стороны возможно в первую очередь в дневное время, пока враг малоактивен или пребывает в подобие сна. А для вечерних и ночных боевых действий нам необходимо обмундирование для бойцов приборами ночного видения и отсутствие источников света с нашей стороны, за исключением намеренной провокации сил неприятеля в засады и ловушки. Считаю важным отметить, что огнестрельное оружие при применении в тёмное время суток также производит вспышки, приманивающие внимание врага на себя, и впору задуматься, как мы можем это исправить, пока ещё не стало слишком поздно.

Фотографии с места событий эвакуационной миссии, в том числе этой, быть может, меняющей сам ход войны, надписи с разных ракурсов находятся в приложении №3 к данному отчёту. Заверяю подлинность всех предоставленных материалов лично. Ожидаю дальнейших распоряжений. Капитан Агапов В. С. Войсковая часть 31709 города Магнитогорска.